

СОЗНАНИЕ БУДДХИ

Все изучающие знакомы теоретически с идеей плана буддхи и его удивительным свойством единства сознания, но большинство из них относят возможность получения какого-либо личного опыта в этом сознании к очень отдалённому будущему. Полное развитие буддхического проводника для большинства из нас всё ещё далеко, так как оно принадлежит к четвёртому посвящению (архат), но всё же нельзя сказать, чтобы тем, кто находится ещё далеко от этого уровня, было полностью невозможно получить некоторое касание этого высшего типа сознания совсем другим способом.

Сам я прошёл через то, что можно описать, как обычный и общий путь оккультного развития; мне пришлось проделать много трудоёмкой работы, покоряя один подплан за другим, — сначала в астральном мире, затем в ментальном, затем в буддхическом, что значит, что я полностью развил пользование своими астральным, ментальным и каузальным телами, прежде чем ко мне пришло что-то, что я мог уверенно назвать настоящим буддхическим опытом. Этот метод медленен и трудоёмок, однако, я думаю, он имеет свои преимущества в том, что развивает аккуратность в наблюдениях, а также в том, что каждый шаг становится уверенным достижением, прежде чем делается следующий. Так или иначе, у меня нет сомнений, что этот способ был лучшим для человека моего темперамента, и вероятно, на самом деле единственно для меня возможным; но из этого вовсе не следует, что другим людям не предоставится других возможностей.

Так случилось, что в течение моей работы мне пришлось соприкасаться со многими людьми, проходившими оккультную подготовку, и возможно, что наиболее важное, что я вынес из этого опыта, заключается в удивительном разнообразии методов, применяемых нашими Учителями. Метод тренировки настолько адаптируется к каждой личности, что не бывает и двух одинаковых случаев — не только каждый учитель имеет собственный план, но один и тот же учитель применяет разные схемы для каждого ученика, и таким образом каждый проводится по тому пути, который является для него наиболее подходящим.

Не так давно я встретился с замечательным примером этого разнообразия методов, и думаю, что его разъяснение могло бы быть полезно для некоторых изучающих. Сначала позвольте мне напомнить вам о том, как любопытно, а именно "перевёрнуто", "я" отражается в личности: высший манас, или интеллект, находит своё отражение в ментальном теле, интуиция, или буддхи — в астральном, а сам дух, или атма, некоторым образом соответствует физическому. Эти соответствия проявляются в трёх методах индивидуализации и играют свою роль в некоторых внутренних процессах развития, но до последнего времени мне не приходилось встречать случаев их практического влияния на ранних стадиях оккультного прогресса.

Один ученик, обладавший глубоко любящей природой, развил сильную любовь (поскольку это было для него естественно и совершенно верно) к наставнику,

которого назначил ему его Учитель в помощь его предварительной подготовке. Он сделал своей ежедневной практикой формирование сильного мысленного образа этого наставника и изливал на него свою любовь изо всех сил, наполняя при этом своё астральное тело малиновым светом и на время необычайно увеличивая его размеры. Он называл этот процесс "увеличением своей ауры". Он проявил к этому такие замечательные наклонности и польза от этого упражнения была настолько очевидна, что ему предложили совершить в этом направлении дополнительные усилия. Ему порекомендовали, держа перед собой этот образ и посылая свою любовь столь же сильно, как и всегда, попытаться поднять своё сознание на более высокий уровень и объединить его с сознанием своего наставника.

Первая его попытка проделать это была удивительно успешной. Ощущение, которое он описал, было такое, как будто он поднимался сквозь пространство, а небо было как бы крышей, преграждавшей ему путь; однако сила его воли сформировала из неё нечто вроде конуса, который скоро перешёл в трубу, по которой он сам и проносился. Далее он очутился в области ослепительного света, который в то же время был морем блаженства, настолько всеохватывающего, что он не нашёл слов его описать. Это нисколько не было похоже ни на что, что он когда-либо ранее ощущал, оно охватило его, как гигантская рука и моментально пронзило его натуру подобно потоку электричества. Оно было гораздо реальнее любого виденного им когда-либо физического объекта, и в то же время крайне духовно. "Это было так, как если бы Бог взял меня в себя и я чувствовал, как его жизнь течёт сквозь меня" — сказал он.

Ученик постепенно освоился и стал способен исследовать своё положение; тогда он начал осознавать, что его сознание более не ограничено, как было до сих пор, в одной точке, но что он как-то может одновременно присутствовать сразу в каждой точке этого удивительного моря света. Действительно, каким-то необъяснимым способом он сам *был* этим морем, однако в то же время он по всей видимости был и точкой, плавающей в нём. Нам, слышавшим, как долго он подбирал слова, чтобы высказать это, показалось, что он имел в виду то, что так хорошо выразила мадам Блаватская: "его центр везде и его периферия — нигде".

Дальнейшее осознание открыло ему, что его попытка стать единым с сознанием своего наставника оказалась успешной. Он обнаружил, что полностью понимает и разделяет каждое его ощущение и имеет гораздо более широкий и возвышенный взгляд на жизнь, чем когда-либо ранее. Вещью, поразившей его необычайно, был его собственный образ — как он виделся глазами наставника. Это наполнило его ощущением недостойности и в то же время решимости, как он причудливо это выразил: "Я ощутил, что люблю себя через его сильную любовь, и знал, что я могу и должен сделать себя достойным её".

Глубина преданности и почтения, которую он испытал, была такой, какой он никогда ранее не достигал; он знал, что становясь единым со своим земным наставником, он входит в храм своего истинного Учителя, с которым, в свою очередь, един его земной наставник, и он смутно почувствовал себя в соприкосновении с сознанием, величина которого непознаваема. Но здесь силы изменили ему, ему казалось, что он соскальзывает вниз, в свою трубу, после чего он открыл глаза уже на физическом плане.

Будучи спрошен относительно этого трансцендентального опыта, я предпринял собственное кратковременное исследование, которое убедило меня, что это несомненно было вхождение в буддхический мир, причём не трудоёмким продвижением через разные стадии ментального, но прямым путём по лучу отражения с высшего подплана астрального на низший подплан мира интуиции. Я поинтересовался насчёт физических эффектов и нашёл, что таковых совершенно не обнаружилось — ученик просто излучал здоровье. Тогда я порекомендовал ему повторить попытку, причём он должен был, сохраняя крайнее почтение, постараться, если удастся, подняться ещё выше, в другое, более величественное сознание, поскольку я увидел, что здесь имеет место случай такого сочетания золотой любви и железной воли, какое весьма редко встречается на нашей "печальной звезде". Я знал также, что столь бескорыстная любовь и воля, не знающая препятствий, могут доставить своего обладателя прямо к ногам самого Бога.

Ученик повторил свой опыт и успех снова превзошёл все ожидания. Он смог войти в это более широкое сознание, стремясь вперёд и вперёд, выплывая при этом как бы в огромное озеро. Большинство из того, что он мог вынести оттуда, он не мог понять — обрывки несказанного великолепия, фрагменты концепций настолько ярких и всеобъемлющих, что простой человеческий ум не может их охватить в их всеобщности. Тем не менее он получил новое представление о том, какими должны быть любовь и преданность — идеал, к которому можно стремиться всю оставшуюся жизнь.

День за днём повторял он свои усилия (мы нашли, что раз в день было разумным пределом); дальше и дальше проникал он в это великое озеро любви и всё же не находил ему конца. Но постепенно он начал сознавать присутствие за этим чего-то большего; каким-то образом он знал, что это неопишемое великолепие было проникнуто чем-то, имеющим более тонкую природу, непостижимо сияющую, и попытался подняться туда. Добившись в этом успеха, он по свойствам этого сознания понял, что это сознание самого Мирового Учителя. Ученик, становясь единым со своим земным наставником, неизбежно подсоединил себя к сознанию его собственного учителя, поскольку их сознания уже были объединены; а дальнейшим чудесным опытом он лишь подтвердил существование тесного союза, который существует между этим учителем и Бодхисаттвой, который, в свою очередь, его обучал. В это безбрежное море любви и сострадания ученик погружается теперь в своей медитации ежедневно, и это придаёт ему силы и даёт такой подъём, который только можно представить, но всё же он не может достигнуть его пределов, поскольку никто из смертных не может измерить глубину такого океана.

Стараясь всё глубже проникнуть в это новое и удивительное царство, столь неожиданно открывшееся перед ним, в один прекрасный день он преуспел в достижении дальнейшего этапа развития — столь более глубокого чувства и блаженства, что ему казалось, что это настолько выше его первого прикосновения к миру буддхи, насколько оно, в свою очередь, было выше его прежних астральных опытов. Он заметил: "Если бы я не знал, что это для меня пока что невозможно, я сказал бы, что это, должно быть, нирвана".

На самом деле это был лишь следующий подплан буддхического — второй снизу и шестой сверху; однако впечатление ученика замечательно не только тем, что показывает, как расширяется сознание по мере того, как мы поднимаемся, но и тем, что скорость расширения быстро увеличивается. Прогресс не просто ускоряется, но и ускорение его растёт в геометрической прогрессии. Теперь ученик достигает этого более высокого подплана ежедневно в качестве своей обычной практики и работает там энергично и упорно в надежде на дальнейшее продвижение; а на то, какую уравновешенность и уверенность это вносит в его повседневную физическую жизнь, удивительно и приятно смотреть.

Ещё одно наблюдаемое им явление, в дополнение к вышесказанному, состоит в том, что блаженство этого высокого плана теперь присутствует и после медитации, всё больше и больше становясь частью его жизни. Сначала это проявляло себя примерно в течение 20 минут после каждой медитации, далее достигло часа, потом двух, и он уверенно надеется, что со временем это станет постоянным ощущением — частью его самого. Примечательной чертой этой чудесной ежедневной экзальтации является то, что за ней не следует даже малейшей реакции или депрессии, но напротив, ощущается усиливающееся сияние, подобное свету солнечных лучей.

Постепенно осваиваясь, как действовать в этом высшем и значительно более великолепном мире, ученик начал осматриваться и скоро смог отождествляться со многими другими, не столь возвышенными сознаниями. Он нашел, что они были подобны точкам, существующим внутри его расширенного я, и обнаружил, что фокусируя сознание в одной из них, он может сразу осознавать высшие качества и духовные устремления личностей, этими точками представленных. Стремясь к более полному сопереживанию с теми, кого он знал и любил, он заметил, что эти точки были также, как он выразился, и отверстиями, через которые он мог проникать вниз, в их низшие тела — таким образом он мог войти в соприкосновение с теми аспектами их жизни и характера, которые не могли найти выражения на плане буддхи. Это дало ему возможность ощутить переживания, свойственные их характеру и понять их слабости, что воистину примечательно и, вероятно, не может быть достигнуто другим путём — это весьма ценное качество, которое пригодится ученику для будущей работы.

Удивительное единство, свойственное этому миру интуиции, проявляло себя ученику самым неожиданным образом. Однажды, держа в руке небольшой предмет, часть которого была белой, и который он считал особенно красивым, он впал в нечто вроде экстаза, вызванного восхищением его изящной формой и гармоничной окраской. И когда он глядел на этот предмет, прямо сквозь него, он увидел, как перед ним разворачивается пейзаж, точно предмет этот стал крохотным окном, или, скажем, кристаллом. Этот пейзаж ему был хорошо знаком и нравился ему, но не было никакой очевидной причины тому, почему маленький предмет дал ему видение этого пейзажа. Любопытная особенность состояла в том, что белая часть предмета представляла в этой картине небо. Будучи под впечатлением от этого совершенно неожиданного явления, он попытался предпринять опыт по подъёму сознания, в то же время любясь красотой вида. Он почувствовал, будто проходит сквозь какую-то сопротивляющуюся среду на более высокий план, и обнаружил, что вид перед ним изменился на незнакомый ему, но

ещё более прекрасный, чем тот, который был ему так хорошо знаком. Нагромождения белых облаков стали высящейся громадой покрытой снегом горы, длинный склон которой спускался к морю такого богатого цвета, какого он ещё не видел в этом воплощении. Скалистые бухты, здания, растительность — всё это было ему незнакомо, хотя хорошо знакомо мне, и после несколько более тщательных расспросов я убедился, что он видел именно ту сцену, что я и подозревал — реальный физический пейзаж, но удалённый на многие тысячи миль от того места, где он сидел и рассматривал его. Поскольку я часто думаю об этом почитаемом месте, но точно не думал о нём в тот момент, то увиденное учеником могло быть моей мыслеформой. Я полагаю, что до этого момента всё случившееся может быть объяснено очень просто — эмоции ученика были возбуждены от восхищения, и именно эти повышенные вибрации и запустили в действие его астральные чувства, что позволило ему увидеть пейзаж, невидимый физически, но находящийся вполне в пределах досягаемости астральных чувств. Предпринятое им усилие продвигаться дальше временно открыло ментальное восприятие, и им-то он и смог увидеть мою мыслеформу — если этот второй вид действительно *был* таковой.

Однако, ученик не довольствовался достигнутым — он повторил свои усилия, чтобы подняться ещё выше, или, как он выразился, проникнуть ещё глубже в истинный смысл всего этого. И снова он испытал прорыв в более возвышенное и утончённое состояние материи, и на этот раз вознаграждением его усилий стала вовсе не земная сцена. Прежний фон картины раскрылся в безграничную вселенную, полную масс великолепного цвета и пульсирующую жизнью, а покрытая снегом гора стала огромным белым престолом, превосходящим любую гору, и скрытым ослепительным золотым сиянием. Станный факт, связанный с этим видением, состоит в том, что ученик, переживший этот опыт, был совершенно незнаком с христианским Писанием, и не знал о каких-либо текстах, где бы описывалось что-то подобное. Я спросил его, может ли он по своей воле повторить это переживание; он сказал, что не знает, но позже повторил эксперимент, и ему снова удалось в том же порядке пройти через описанные стадии. При этом он сообщил дополнительные подробности незнакомого пейзажа, что убедило меня, что это было действительным повторением опыта, а не просто игрой памяти. Поражённый ясновидец также прошептал, что среди сияния ему однажды даже удалось увидеть очертания могучей фигуры, сидевшей на престоле. Вы можете сказать, что это тоже было мыслеформой, построенной каким-нибудь христианином с живым воображением. Может быть, это и так, но когда через несколько дней мне представилась возможность спросить одного из Мудрых о смысле, который можно придать этому видению, он ответил:

"Разве ты не видишь, что раз есть лишь одна Любовь, то есть и лишь одна Красота? Всё, что есть прекрасного на любом плане, таково из-за неё. И если продвинуться достаточно глубоко, связь всего прекрасного с ней будет очевидна. Вся красота от Бога, как и вся любовь, и через эти его качества чистый сердцем всегда его достигнет."

Изучающим следует взвесить эти слова и проследить заключённую в них идею. Вся красота, будь она в форме или цвете, в природе или в облике человека, в шедеврах искусства или самом скромном предмете домашнего обихода — лишь

выражение Единой Красоты, и потому даже в самой малой вещи, которая прекрасна, содержится вся красота, и через неё вся она может быть осознана, и достигнут Тот, кто сам и есть красота. Чтобы понять это вполне, требуется то самое буддхическое сознание, при помощи которого и пришёл к осознанию наш ученик, но даже на более низких уровнях идея эта может быть полезной и плодотворной.

Я вполне допускаю, что случай ученика, переживания которого я рассказал, исключительный, и что он обладает силой воли, любовью, чистотой сердца и крайним бескорыстием, которые, к сожалению, встречаются нечасто. Тем не менее, то, что он проделал с таким примечательным успехом, в некоторой мере может быть повторено и менее одарёнными. Он раскрыл своё сознание на том плане, который обычно не достигается стремящимися, он быстро выстраивает на нём себе дееспособный и весьма ценный проводник — а именно этим и объясняется всё возрастающее чувство блаженства и мощи. То, что пример его не единичен, а принадлежит к определённой линии прогресса, доказывается тем фактом, что уже сейчас его необычайное буддхическое развитие оказывает эффект на его каузальное и ментальное тела, развитию которых, по всей видимости, до сих пор не уделялось должного внимания, и стимулирует их к действию сверху, вместо того, чтобы предоставить их трудоёмкому влиянию снизу, как это бывает обычно. И успех этот является результатом упорных усилий в описанном направлении.

"Идите и делайте так же". Искренние усилия по укреплению силы любви, преданности, способности ценить красоту никому не могут принести вреда, и такими усилиями человек может достичь такого прогресса, о каком он даже и не мечтал. Нужно лишь помнить, что на этом пути, как и на всех прочих, рост достигается лишь теми, кто желает его не для себя, но для целей служения. Самозабвение и искреннее желание помочь другим — вот самые заметные черты ученика, историю внутреннего опыта которого я рассказал, и они *должны* быть столь же выдающимися и у тех, кто пожелает последовать его примеру. Без них же никакие подобные результаты невозможны.

(The Theosophist, август 1915)

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

